

Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987.

Появление книги с таким названием вызывает одновременно и интерес и некоторую осторожность. Это вполне объяснимо. Несмотря на известное количество публикаций, касающихся происхождения отдельных фразеологизмов, и даже попыток теоретизирования по этому поводу, историческая (а тем более "этимологическая") фразеология не может быть причислена к бурно развивающимся отраслям русского языкознания. В статусе самостоятельной научной сферы этимология фразеологии, думается, пока еще себя не осознала. Это обстоятельство заставляет сомневаться, что время для создания этимологического словаря русской фразеологии уже настало. Хотя тут же возникает мысль о том, что, даст Бог, именно публикация "попытки" словаря может каким-то образом стимулировать развитие этой дисциплины...

Как первый опыт в данном роде словарь Н.М. Шанского, В.И. Зиминова и А.В. Филиппова полон недостатков.

Начать с жанра работы. Это — этимологический словарь, и большинство его статей действительно трактует происхождение фразеологизма: исконный или заимствованный характер, вероятную эпоху его появления, первоначальную семантику и позднейшие переосмысления. Но можно ли отнести к этимологии такие парафразы: *"Все как один. Все поголовно, с полным единодушием. Искон. Первонач. — все подобно одному, по примеру одного, следуют ему (например, в бою)", "Откуда сыр-бор загорелся... Первонач. имелось в виду "с какой стороны загорелся сырой бор, сосновый лес, почему возник лесной пожар", "Не успел и глазом моргнуть. Моментально. Под влиянием в мгновение ока", "Уши вянут... От сравнения с увяданием лепестков" и т.п.?* Что, собственно, здесь "этимологизируется"? Таких тавтологических толкований в словаре немало.

Объем рецензируемого лексикона — 1400 оборотов. По мнению авторов, он дает "достаточно полное" (с. 4) представление о фразеологическом фонде русского языка и его формировании, а в словарь "включались фразеологизмы всех типов" (с. 5). Как бы ни понимать фразеологию, узко или широко, нельзя, видимо, выводить за ее границы неоднословные "номенклатурные" знаки типа *морской конек, анютины глазки, мать-и-мачеха, антонов огонь*. Невключение таких единиц в словарь можно и оправдать, но зачем тогда говорить о "всех типах" фразеологизмов? Касательно же представительности словника можно заметить, что, скажем, в первом издании "Крылатых слов" Апукиных помещено более 1300 единиц, а ведь крылатые слова — лишь малая часть фразеологического фонда. Весьма слабо отражены в словаре речения нового времени (*до лампочки, от звонка до звонка, еще не вечер, крутить динамо, надо, Федя, надо* и сотни других, — в словаре их не найти). Следовательно, о "достаточно полном" отражении русской фразеологии в рецензируемом словаре говорить рискованно.

Предисловие сообщает, что словарь "составлен с учетом всей основной фразеологической литературы" (с. 4). В этом можно усомниться, поскольку в нем не нашли регистрации найденные в последние годы убедительные объяснения выражений *знать подноготную, ни зги не видно, шут гороховый, разверзлись хляби небесные, хлеб насыщенный, бить баклуши, куда Макар телят не гонял, избушка на курьих ножках, валять петрушку* и др. (см. работы Трубачева, Топорова, Толстого, Успенского, Мокиенко, Варбот, Добродомова, Мурьянова и др.). Вряд ли при этом могут быть

приняты возражения вроде того, что составители отклонили предложенные упомянутыми и неупомянутыми авторами решения как неудачные: в словаре можно встретить несколько этимологических версий относительно одного фразеологизма, в том числе и "народноэтимологические" как явно несостоятельные. Стало быть, утверждение, будто привлечена вся фразеологическая литература, — это скорее дезидераты, нежели реальность. На эту оценку наталкивает и прилагаемая к словарю сравнительно небольшая (немногим более 140 названий) библиография, в которую включены статьи, специально посвященные фразеологизмам, в рецензируемом словаре отсутствующим, т.е. список этот составлялся как нечто достаточно автономное по отношению к самому лексикону и в определенной мере не избежавшее влияния случая.

Много неясного в применяемом составителями понятийном и терминологическом аппарате. В вводном разделе (с. 9) "старославянский" представлен как период в истории русского языка (наряду с "общеслав.", "восточнослав." и "собств. русск." эпохами). Как надлежит понимать помету "искон." или "собств. русск.", если сразу же после нее указываются евангельский источник и параллели в европейских языках (примеров немало)? Выражение *брать на бордаж* сочтено полукалькой с франц. *aborder*. Фразеологизм *быть на вы* квалифицирован как калька с франц. *vouvoyer* (здесь, видимо, и хронологическая несообразность: по Доза, Дюбуа и Миттерану, французское слово впервые фиксируется в 1907 г.). Слово *сантименты*, грамматически оформленное вполне по-русски, определено как транслитерация франц. *sentiments*. Вызывает недоумение фраза (в статье *зарыть талант в землю*): "Позднее, уже в XVIII в., греч. *talanton* вытеснилось нем. *Talent* — талант, дарование"; где, в каком языке и при каких обстоятельствах могла осуществиться замена греческого слова немецким? Неряшливость формулировок никак не служит украшению словаря. На с. 6 заимствования в сфере фразеологии характеризуются как "иноязычные по происхождению фразеологизмы, употребляющиеся без перевода", однако через две—три строки к заимствованиям отнесены выражения *за и против, на войне как на войне*, как раз переведенные.

Весьма неопределенно содержание понятия "производность". Фразеологизм *в подметки не годится* выводится составителями из выражения *не годится и в след ступить, схватиться за голову* почему-то считается производным от *рвать на себе волосы*, а *на волосок от смерти* (где *волосок* — явно в значении условной метрологической единицы) — производным от *висеть на волоске*... Каков механизм производности в этих случаях? И уж совершенной загадкой оказываются такие образцы "производности": *стоять горой* — от *надеться как на каменную гору*; *прожигать жизнь* — от *жесть свечу с двух концов*; *свести с ума* — от *совернуть с пути истинного*; *теплое местечко* — от *нагреть руки*... Включенность фразеологизмов (подчас, как нетрудно увидеть, сомнительная) в один сентенциальный круг или даже "семантическое поле" еще отнюдь не является критерием их формальной соотносительности, а уж тем паче производности. Строгостью лингвистических понятий авторы словаря здесь откровенно пренебрегают.

Не везде удачно выбраны заголовки словарных статей. Связочный характер глагола *быть* при конструкциях типа *в мыле, на взводе, не в своей тарелке* заставляет полагать его лишь грамматическим "формантом", на который вряд ли стоит опираться в выборе заголовочного варианта. Для меня остаются сомнительными формы, попавшие в заголовки: *стирать публично грязное белье, счастливая планета выпала, уйти/уходить в свою скорлупу*... Это скорее некие языковые образы, не кристаллизовавшиеся в фразеологизмы с "каноническим" лексическим наполнением; варьированность подобных выражений слишком велика, чтобы можно было предпочесть в качестве заголовочных именно приведенные формы.

Множество замечаний вызывает датировка фразеологизмов. Указание на эпоху возникновения выражения ("собств. русск.", "восточнослав." и т.д.) обычно никак не обосновывается. Между тем вопрос хронологизации фразеологии относится к очень сложным, здесь трудно избежать ошибок. Тем более удивляет почти полное отсутствие

инославянских и внеславянских параллелей некалькированным речениям. Соплусь на один-единственный пример. Выражение *живая вода* авторы считают "собств. русск." ("из сказок"...), в то время как оно имеет еще индоевропейские, если не более ранние, истоки. Сочетание лексем со значениями 'вода' и 'живой' известно с глубокой древности, ср. лат. *aqua viva* 'ключевая, проточная вода' у Варрона и др., *живая вода* 'свежая, проточная...' в восточнославянских диалектах, польск. *żywa woda*, болг. *жива вода*, а далее — *живой огонь*, *жива ватра* 'новый, только что добытый трением огонь (в славянских ритуалах)' с параллелями в уральских, алтайских языках... Вообще к обсуждаемой проблематике ср. идеи Вяч. Иванова, Топорова, Трубачева и др. о возможности реконструкции индоевропейских "текстов" (т.е. прежде всего фразеологии). Вероятные попытки отведения этих упреков со ссылкой на то, что помета "собств. русск." относится только к форме, несостоятельны, поскольку для подобных случаев существует (и применяется в данном словаре) термин "калька".

Здесь я подхожу к наиболее существенному пороку рецензируемого словаря. Он состоит в последовательно атомарном подходе к языковому материалу — как в его словарной подаче, так и в том, что составители считают этимологическим анализом. Отказ от использования диалектного материала не только в словнике, но и при анализе фразеологии приводит авторов к неминуемому топтанию на месте, повторению уже опровергнутых этимологизаций. Несмотря на то, что Мокиенко, обратившийся к обширнейшему диалектному и инославянскому материалу (его книги и важная статья "Историческая фразеология: этнография или лингвистика?" включены в список литературы, прилагаемый к словарю), прекрасно продемонстрировал неправдоподобие интерпретации выражения *бить баклуши* как первоначально значившего 'заготавливать чурки для ложек, что было (якобы) легким занятием' (по Мокиенко — 'баловаться в городки'), составители словаря предпочли прежнюю "внеконтекстную" версию в духе Максимова. Вряд ли остановились бы они на толковании выражения *малиновый звон* "от свободного сочетания *малиновый звон*. Малиновый — от малина в знач. 'что-л. приятное' (ср. *не жизнь, а малина*)", если бы обратились к звонарной терминологии, ср. хотя бы *красный звон* у того же Максимова. Не понадобилось бы объяснить слово *стрекач* (в *дать стрекача*) как 'погонялка, бич, острый шест для понукания скота', окажись авторы словаря более внимательными к славянским параллелям рус. *стрекать* 'спешить; скакать...', ср. напр. с.-хорв. *стрцати* 'брызгать' (как семантическую параллель ср. рус. *брызнуть* 'помчаться'), *трк*, *трка* 'бег'... Учет южнославянских фразеологизмов, параллельных рус. *силь порох* и др., заставил бы отказаться от пыточных ассоциаций слова *подноготная* (*знать подноготную* — 'знать все вплоть до грязи под ногтями', как показано Толстым). Сравнение оборота *лить колокола* 'врать, распускать сплетни' с параллельным *отливать пулю* 'врать' и их диалектными вариантами, возможно, натолкнуло бы на мысль о том, что в основе обоих выражений лежат характерные для многих старых промыслов и ремесел запреты на разглашение соответствующих действий во избежание неудачи предприятий (с восстановлением семантической цепи 'уклоняться от ответа' → 'отговариваться объяснением, не сообразным реальности' → 'врать' → 'распускать сплетни'). Привлечение фольклорных текстов (поговорок, заговоров) отвело бы как ошибочное утверждение о вторичности (по отношению к "скалькированному" с французского фразеологизму *первый встречный*) выражения *встречный* и *поперечный* (ср. хотя бы в Филин 5, 217: ...от осуда, от призора, От встречника, от поперечника...).

"Этимология" в словаре зачастую сводится к насильственной идиоматизации первого попавшегося "перевода" трудного слова (*кулички* 'поляны' в *к черту на кулички*; *сокол* 'таран' в *гол как сокол* — по Максиму; *собаки* 'репы' в *вешать собак* — авторов не останавливает, что собак вешают *всех*, что семантический переход 'репей' → 'обвинение' через 'колдовство' все-таки необъясним; *зарез* 'место на шее у скотины' в *до зарезу* — почему не 'хоть режись?' — и т.д., и т.п.). Крайним примером такого рода является толкование выражения *в чужом пиру похмелье*: "Похмелье в знач. 'продолжение пира, складчина после него', для чего гости должны были давать

хозяину деньги, и для нового, "свежего" человека это было убыточно и несправедливо? Зачем же надо было давать столь переусложненное объяснение, когда смысл оборота вполне ясен при принятии значения *похмелье* 'состояние после выпивки': 'вы пили, а у нас голова болит', ср. напр. *паны дерутся, а у холопов чубы трещат*?

Мало хорошего получается и в редких противных случаях — при попытках усмотреть некое подобие системы, взаимосвязанности фразеологизмов. Единство ряда оборотов с опорным компонентом *разводить* (*антимонии, бодягу*...) объясняется их выводимостью из словесного обозначения некоего занятия (так же, как и в случае с баклушами, очевидно, чрезвычайно легкого и позволяющего во время него чесать языками): "Антимония из антиномия (неразрешимое противоречие). Вероятно, от названия сурьмы — *antimonium*, развода которую люди вели пустые разговоры" — собств. русск. (любопытно, насколько привычной работой для русских было разведение сурьмы, чтобы оно переосмыслилось в фразеологии?), "Бодяга — пресноводная губка... Вероятно, от того, что, разводя настой бодяги, болтали о пустяках, шутили, балагурили".

Неясно, на каком основании постулируют авторы общность происхождения фразеологизмов *вкушать плоды чего-л.* и *вкушать/кусить от древа познания: плоды 'результат'* вовсе не является следствием утраты связи с семантикой первоуродного греха. Точно так же нет необходимости смешивать *заколдованный круг* и *порочный круг*: если первый связан с действием нечистой силы или, напротив, защитой от него, то второй — из области античной логики и диалектики, на нечистую силу глядящей довольно равнодушно.

Уровень этимологизации, принятый в рецензируемом словаре, с исчерпывающей убедительностью иллюстрируется такими примерами: *курам на смех* — "Вероятно от того, что даже курам, не умеющим смеяться, будет смешно, настолько что-л. нелепо"; *куры денег не клюют* — "Куры не клюют зерно тогда, когда его очень много и они совершенно сыты. А у кого было много зерна, тот был богат"; *лопнуть со смеху* — "Калька с франц. ...Вероятно, от того, что при неожиданном приступе смеха человек резко размыкает губы ("лопается")"; *еще и конь не валялся* — "От повадки лошади повалиться перед тем, как дать надеть на себя хомут, что задерживало работу" (попутно отмечу своеобразие синтаксиса: *повадка повалиться*); *песок сып(лется) из кого-л.* — "Возможно, связано с выделениями из организма мелких крупинок солей (камни и крупинки солей образуются в почках и др. органах чаще всего в старости)"; *плевать в потолок* — "Крестьянин во время отдыха лежал на полатах или на печке и, покуривая, сплевывал с губ табачные крошки. Полатаи располагались близко к потолку"; *веревка плачет по ком-л.* — "Вероятно, связано с тем, что при казни через повешение веревку намыливали и с нее стекали капли" (от себя замечу: с веревкой все ясно, но для чего намыливали также и палку?).

Авторам словаря свойственно стремление как можно теснее привязать появление того или иного фразеологизма к конкретным историческим событиям и лицам. Без надобности повторяют составители словаря гадательные попытки связать существование выражения *меж двух огней* с обычаями Золотой Орды, пословицы *семеро одного не ждут* — с временами семибоярщины, а оборота *быть посемену* — с правлением Елисаветы. Напротив, во многих местах, учитывая довольно популярный характер издания и широкий круг потенциального читателя, следовало бы давать более обширную культурную и историческую информацию, например, в статье *разверзлись хляби небесные* — о том, что *хлябь* это 'шлюз, запор', что грибоедовское *блажен кто верует* воспроизводит фразеологическую модель из Нагорной проповеди, что *крошечная тьма* изначально ассоциируется с запредельным хаосом и адом, что выражение *с корабля на бал* — это литературная аллюзия, и о том, какие реальные события стоят за крылатой фразой *времен очаковских и покоренья Крыма*. Подобная информация, как мне кажется, была бы совсем не лишней не только в упомянутых здесь словарных статьях.

Пренебрежение, а точнее — невладение данными диалектологии, фольклористики,

мифологии, этнографии, истории культуры прискорбным образом сказывается на качестве словаря. Достаточно сравнить "этимологизации" фразеологизмов *божья коровка* (утверждается, что это калька с французского!), *драть как сидорову козу*, куда *Макар телят не гонял* и др. с разысканиями последних лет на стыке мифологии и лингвистики, касающимися тех же речений (в первую очередь с блистательными и поразительными по глубине работами В.Н. Топорова), чтобы убедиться, что словарь Шанского, Зимины и Филиппова предлагает читателю чрезвычайно поверхностный уровень "анализа". Жанр словаря, предполагающий, конечно, некоторое упрощение и схематизацию, оправданием в данном случае служить не может.

Еще несколько "мелких" прилирок, вовсе, впрочем, не исчерпывающих перечень недостатков рецензируемой книги. Ц.-слав. *твердо* (с. 144) не следует писать через *ѣ* (строго говоря, и не через *е*, а *тьрьдо*). Нет никаких оснований слово *лакомый* зачислять в старославянизмы (с. 72): *ла-* в начале слова — нормальная рефлексация акутового *ol* + согл. в восточнославянском. Лат. *alba avis*, приводимое в качестве оригинала русского выражения *белая ворона*, отмечается задолго до Ювенала — еще у Цицерона. Выражение *мертвые души* не идет от названия поэмы Гоголя, а использовано им как устоявшийся юридический термин. Картофель, переработка клубней которого, согласно словарю, стала поводом для возникновения оборота *седьмая вода на киселе*, трансплантирован в Россию, надо думать, существенно позже появления этого фразеологизма. Лат. *ovatio* лучше вести от *ovo* 'ликую', чем от *ovis* 'овца' (с. 149), а выражение *часы ник* предпочтительнее возводить к англо-амер. *peak hours*, чем к франц. *heures de pointes*. Фамилию Этерлей (с. 234) следовало бы исправить на Этерлей и переместить в соответствующее ей по алфавиту место (в библиографии).

Число замечаний может быть умножено, но и из сказанного видно, что научный уровень книги Н.М. Шанского, В.И. Зимины и А.В. Филиппова весьма невысок. Однако, и в этом его несомненное достоинство, рецензируемый словарь в целом адекватно отражает нынешнее состояние исторической фразеологии — дисциплины, до сих пор, за немногими исключениями, остающейся в рамках упрежнений с отчетливым прикусом любительства. Речь здесь идет — должен поправиться — прежде всего с "собств. русск." (как о любой другой "собств.") исторической фразеологии. Исследования же, обращенные к широкому славянскому и внеславянскому лингвистическому, фольклорному, этнографическому и историческому фону, тем самым избегают многих недостатков изоляционистского "моноэтничного" подхода и позволяют делать более глубокие и точные наблюдения над путями формирования фразеологического фонда одного конкретного — в нашем случае русского — языка. Думается, что именно в этом направлении и следует ожидать дальнейшего развития фразеологической этимологии.

А. Ф. Журавлев

Slawistyczne studia językoznawcze. Wrocław etc. 1987.

Сборник посвящен юбилею известного польского ученого, выдающегося слависта наших дней Ф. Славского, труды которого уже давно стали неотъемлемой частью науки. Проф. Ф. Славский обогатил науку интересными идеями, он один из тех, кто участвовал в разработке новых направлений в славистике. Настоящей книгой славистов стал "Этимологический словарь польского языка", первый том которого вышел в 1952 г. Словарь еще не завершен, последние выпуски охватывают лексический материал на букву *L*. Это — принципиально новый тип этимологического словаря, характеризующийся новым подходом к организации лексического материала и перво-степенным вниманием к лексико-словообразовательным единицам языка. С именем Ф. Славского связано еще одно серьезное лексикографическое предприятие — подготовка "Праславянского словаря" (т. I—V: *A — D*). В этом словаре, как и в другом, параллельно создаваемом в Москве "Этимологическом словаре славянских языков",